

**Ю.А. Разинов,
Самарский университет**

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ТРУДА И ДОСУГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Рассматривается ситуация кризиса дисциплинарной модели распределения времени в постиндустриальном обществе. Одним из проявлений этого кризиса является диффузия границы между трудом и досугом. Показано, что диффузия носит объективный характер и несет определенные социальные и экзистенциальные последствия.

Ключевые слова: труд, досуг, рабочее место, свободное время, пространственная и темпоральная диффузия.

**Y.A. Razinov,
Samara University**

SPACE AND TIME OF LABOR AND LEISURE IN THE DIGITAL AGE

The situation of the crisis of the disciplinary model of time distribution in the post-industrial society is considered. One manifestation of this crisis is the diffusion of the boundary between work and leisure. It is shown that diffusion is objective and has certain social and existential consequences.

Keywords: Labor, leisure, workplace, free time, spatial and temporal diffusion.

Одной из проблем постиндустриального общества является кризис дисциплинарной модели распределения времени и диффузия структур социального пространства. Прежде всего это связано с переходом к цифровой экономике, которая не только меняет характер и условия труда, но существенным образом сказывается на организации досуга. Распад дисциплинарной матрицы модерна приводит к тому, что граница между трудом и досугом смещается, фрагментируется, становится прозрачной и релятивной. Происходит то самое смешение, о котором Грибоедов предупреждал словами Чацкого:

Когда в делах – я от веселья прячусь;
Когда дурачиться – дурачусь,
А смешивать два этих ремесла
Есть тьма искусников – я не из их числа!

Но если для героя модерна такое смешение времён и пространств являлось следствием нерациональной организации производства и нарушения трудовой дисциплины, то для героя постмодерна смешение становится проявлением «новой нормальности». И дело не только в том, что офисный работник получил «незаконную» возможность микшировать трудовую деятельность элементами досуга: просматривать посторонний контент, общаться в социальных сетях, произвольно чередовать труд и отдых. Дело в том, что к этому его подталкивает сам работодатель, ибо *отвлечение от трудового процесса становится необходимым элементом самого процесса.*

Одним из признаков смены парадигмы труда является фрагментация «рабочего места», которое всё больше наполняется элементами дома или развлекательного центра. Речь идет не только о спортивных залах, саунах, бассейнах, «курилках» и видовых площадках, которые становятся атрибутами «продвинутого» офиса. Речь идет о том, что одомашниваются сами производственные помещения, в которых такие атрибуты, как буфет, кухня, холодильники, чайные столики, мягкие диваны, игровые приставки уже не отделяются от рабочего места, но интегрируются в него. В рабочем помещении устраиваются искусственные ландшафтные лужайки, на которых работники офиса могут полежать с ноутбуками. В непосредственной близости от работника размещаются кресла-качалки, подвесные гамаки и даже кровати для сна («норы»). Ведущий сотрудник IT-компании может «между делом» поиграть в бильярд, разряжая внутреннее напряжение и разгоняя творческую активность. Современный высоко технологичный офис существенно отличается от своих предшественников. В начале века рабочее место рядового сотрудника представляло собой сотовую клетку из оргстекла, а труд коллектива напоминал жужжащий улей. Теперь же сотовая ячейка как модель обезличенной эксплуатации интеллектуального труда уступила место «дому» как символу отсутствия какой-либо эксплуатации. Хотя в действительности мы имеем дело с очередным симулякром, ибо микширование офисного пространства домашними атрибутами создаёт устойчивую иллюзию свободного труда. Сверхрациональный и прагматический смысл такого микширования заключается в том, чтобы создать дополнительный стимул к тому, чтобы работник по «собственному желанию» допоздна засиживался и даже ночевал на работе. Известны

случаи, когда в некоторых IT-компаниях работники месяцами не вылезали из «берлоги».

Симметричным образом меняется и архитектура досуга. Трудовая деятельность «на дому», которая первоначально являлась уделом «креативного класса», все больше завоевывает домашнее пространство. Цифровые технологии, главным элементом которых является компьютер, делают дом прямым продолжением офиса. Мобильные устройства довершают этот процесс тем, что переносят трудовую деятельность в трансграничное пространство улиц, парков, кафе, сетей общественного транспорта. Труд и досуг приобретают гибридную форму. Героем гибридного труда/досуга становится *фрилансер* – нómад, кочующий по городским локусам хакерспейсов и коворкингов. Свободный агент становится новым миссионером «свободного труда» [2].

Однако проблемой становится не столько демаркация традиционных границ труда и досуга, сколько их *диффузия* и *дисперсия*. В обычном смысле демаркация – это всего лишь переопределение границ. Диффузия же означает рассеяние структуры объектов при их тесном взаимодействии. Физический смысл диффузии заключается во взаимопроникновении атомов и молекул вещества, при котором образуется так называемый *диффузный слой* с размытыми контурами и границами. Между тем процессу диффузии подвержены не только материальные, но и символические структуры, такие как труд и досуг.

Если пространственные диффузии являются вещественно-наглядными, то темпоральные диффузии отследить сложнее. Из того, что работник непрерывно находится на рабочем месте, вовсе не следует, что он так же непрерывно работает. Такая корреляция может быть обеспечена только конвейерным производством. В экономике знаний непрерывный трудовой тайминг «от звонка до звонка» невозможен, а главное, не эффективен. По этой причине IT-специалистам дается право «тупить», за что они, как правило, расплачиваются сверхурочным трудом. Автоматизированный учет времени с помощью специальных программ, суммирующих время введения программного кода с клавиатуры и компьютерной «мыши», и таким образом калькулирующий «человеко-часы», сам по себе мало что решает. В конечном счете он лишь помогает самоорганизации программиста.

Темпоральная диффузия между трудом и досугом выражается в их встречном движении: досуг вторгается в рабочее время как время прокрастинации, а время, которое принято называть «рабочим», наоборот, включается в структуру «свободного времени» в виде добавочного труда. Один из ярчайших парадоксов современного досуга заключается в том, что в темпоральную

размерность праздности и лени постоянно вторгается рабочий процесс, создающий неспецифическое трудовое напряжение. Таким образом, в цифровой экономике *труд и досуг существуют не за пределами друг друга, но внутри друг друга*. И это указывает на то, что в новых реалиях *не всё рабочее время есть труд* так же, как *не все «свободное время» есть досуг*. И такая импликация порождает то, что А. Корсани называет «темпоральной дезориентацией»: «Прерывистый характер занятости представляет собой не чередование периодов интенсивного труда и отдыха, он воспринимается, скорее, как дробление времени, того постоянно ускоряющегося времени, над которым мы теряем контроль» [2, с. 66].

Наиболее остро эту проблему переживают свободные агенты, фрилансеры, «самозанятые», а также работники, переведенные на «удалёнку». Свободное время «самозанятых» только кажется свободным. На деле же большую часть своего времени они заняты либо активным поиском работы, либо пассивным ожиданием заказа, «съедающим» время досуга. В этой связи мы не разделяем оптимизм Дэниэла Пинка, утверждающего, что у фриланса радужное будущее [1], ибо фриланс так или иначе связан с регрессией принципа *разделения труда*.

Облачные технологии, возникнув первоначально в специализированной сфере хранения и обмена данными, сегодня меняют парадигму отношений между работником и работодателем. Это уже не срочный контракт со штатным сотрудником, а транзакция. Как пишет К. Шваб, «работодатели все чаще используют «человеческое облако» для решения вопросов. Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее, могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий» [3, 40-41]. Еще до появления термина Gig-work («разовая работа») Дж. Сорос назвал общество будущего «обществом сделок». Это такое общество, в котором отсутствует зависимость от отношений и какая-либо привязанность человека к месту [4, с. 166-168]. В Gig-экономике меняется парадигма отношений между работником и работодателем. Это уже не срочный *контракт*, а *транзакция*. В рамках Gig-экономики эффективный, то есть оплачиваемый труд рассыпается на серии дискретных транзакций, а досуг превращается в «пористую» (М. Маяцкий) темпоральность поисков и ожиданий.

В своей книге «Четвертая технологическая революция» К. Шваб утверждает: «Характер происходящих изменений настолько фундаментален, что

мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [3, с. 9]. Одной из таких опасностей является диссоциация социальных структур. Частным выражением этой диссоциации является утрата определенного ритма жизни, где труд и досуг, разделяясь в пространстве и времени, стимулируют друг друга. Gig-экономика лишь терминологически переворачивает традиционную формулу «делу время, а потехе час». На практике она порождает диффузию труда и досуга, что выражается в явной утрате как трудового, так и досугового энтузиазма.

Но самым серьезным вызовом «четвертой промышленной революции» становится десоциализация и *атомизация* общества, возникающая из иллюзии того, что самозанятость является передовой формой организации труда и досуга. И если перенос дома в офис еще отвечает принципу человекоразмерности труда, то перенос офиса в дом нарушает этот принцип. Помимо сомнительных преимуществ, самозанятость имеет вполне очевидные недостатки в виде самоизоляции. А это значит, что «кротовые норы» фирмы Avito [5] как символ аутической сепарации внутри офиса, грозят стать символом кризиса общественного человека в цифровую эпоху. И если «норы» Avito всё же являются способом адаптации и *инклюзии* аутичного работника в трудовое комьюнити, то «удалёнка» имеет обратный вектор – *эксклюзии* и *сепарации*.

Список литературы:

1. Корсани А. Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25. № 3 (105). С. 51-71.
2. Pink D. H. (2002) Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself. Business Plus Publ. 400 p.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М: Эксмо, 2016. 138с.
4. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. 460 с.
5. Сорокин А. Экскурсия в офис Авито, мега-фотоотчет // vc.ru: сетевой журнал. 2022 // <https://vc.ru/office/519665-ekskursiya-v-ofis-avito-mega-fotootchet>